

ЕВГЕНИЯ
ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ

18+

ТАЙНА
ЧЕРНОГО
ВОЛКА

Евгения Преображенская
Тайна чёрного волка
Серия «Young Adult.
Легенды междумирий»
Серия «Не в этом мире», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70973257

Тайна чёрного волка / Евгения Преображенская: Эксмо; Москва; 2024

ISBN 978-5-04-208926-8

Аннотация

В Стране вечного лета Дженна пережила трагедию. Пройдя через священную рощу духов, героиня оказывается на Севере – в Свободных королевствах. Сила мертвой воды начинает бурлить в ней с новой силой. Сбудется и детская мечта Дженны – она увидит драконов.

Враг не дремлет, по следу сумеречной лисы идут наемники серых волков и убийцы. Дженна отправляется в странствие сквозь Страну мертвых, где ее подстерегают злобные духи и прочая нечисть. Но теперь у нее появился могучий и таинственный защитник – странник междумирий и маг Сайрон. Он поможет Дженне обуздать свою силу, а девушка сумеет излечить его разбитое сердце.

Содержание

Третья картина	6
Интерлюдия	8
Пролог. Трое	9
1. Яблоневый сад	22
2. Странник	38
3. Свободные королевства	64
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Евгения Преображенская

Тайна чёрного волка

© Евгения Преображенская, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Иллюстрации на обложке и форзацах Евгении Преображенской

Внутренние иллюстрации Ольги Исаевой, Евгении Преображенской

Художественное оформление Игоря Пинчука

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© Xenia Artwork, Christine Krahl, TALVA, artuco, Maryna Stamatova / Shutterstock.com

Третья картина

Мертвая вода

ТРЕТЬЯ
КАРТИНА

▼
МЕРТВАЯ
ВОДА

Интерлюдия

Во времена изначальные распался Единый Предвечный Источник Жизни на неисчислимых сыновей и дочерей. Те в свою очередь породили других детей. А они передали часть Создателя собственным творениям – соткали плоть миров и вдохнули в них жизнь. А называли они себя Старшими, или богами.

Поддерживали Старшие сыны бесконечное вращение и миров сотворение. А Старшие дочери сохраняли сотворенное в вечности неизменно. Создали боги множество форм и образов по подобию своему, способных творить и размножаться самостоятельно.

Научили они детей своих мыслить и чувствовать, дали им слово как силу связующую и бесчисленные имена, обозначающие их задачи. Создали боги и проявили для их понимания науки, искусства и ремесла разные. Заповедовали они хранить миры свои в драгоценном единстве.

Рука об руку шли сыновья и дочери Старших, будучи частью Единого, но обретя каждый одну из сил божественных. Стали они могучими хранителями миров.

Пролог. Трое

Мглистые и безмолвные просторы междумирья окружали его. Иногда пустота перемежалась сферами, окутанными голубой дымкой, а порой – мрачными пластами. Изредка тьма вдруг расцветала радужным светом. Но большая часть его пути пролегла в пустоте, бездонной и бесконечной.

Это странствие было долгим. И странник устал. Он не спал целую вечность – не спал, чтобы не видеть кошмаров.

Память, хранившая образы миров, бесчисленных встреч и расставаний, единений и потерь, долгое время молчала... Он было поверил в то, что пустота наконец даровала его душе желанное забвение. Но затем тьма междумирья сделалась невыносимой, а сияние, исходящее от миров, – болезненно слепящим.

Он ощутил неодолимую усталость и потребность в отдыхе – в отдыхе от бесконечного бега... и от пустоты. Силы подходили к концу. И скорбящей душе пришлось подчиниться зову ослабленной плоти.

Жажда бытия взяла свое. Он устремил взор на вращающиеся сферы. Он *заставил* себя отвернуться от тьмы и прямо взглянуть на свет. В тот же миг сияние вдруг перестало слепить его, сделавшись мягким и приветливым.

– *Услышь меня, друг,* – уловил он отчетливый зов. – *Обращаюсь к тебе, где бы ты ни был...*

– *Слышу тебя, старый друг,* – откликнулся он. – *И безмерно рад твоему свету.*

– *Тогда прошу, о сын Солнца,* – прозвучал голос, – *сложи на время свои крылья и стань моим дорогим гостем.*

– *С радостью я принимаю твое приглашение,* – ответил он. – *И надеюсь, что не в горе ты вновь взываешь ко мне.*

– *Не в горе, но и не из праздности,* – сказал голос. – *Признаю, мне нужна твоя помощь...*

– *Да будет так,* – согласился странник.

* * *

В подземных казематах царствовали могильный мрак и тишина. В затхлом воздухе таилось нечто такое, что не давало расплодиться ни тараканам, ни крысам. Даже пауки не смели ткать паутин под узкими сводами потолков. Лишь свет факелов плясал на покрытых соляными разводами стенах да эхо тяжелых шагов разносилось вдоль коридоров.

Гварджи Оард кивнул стражникам, и те с трудом отперли скрипучие, давно не использовавшиеся засовы. Выйдя на лестницу, они спускались по ней – все ниже и ниже, – пока не достигли последнего этажа. Здесь находились одиночные камеры для особых узников.

В стране, где казнь была обычным делом, самым страшным преступникам оставляли жизнь. Не всегда смерть могла стать высшей мерой наказания, поэтому негодяев обрека-

ли на пожизненное *одиночество*. У них не было даже охраны, а все нужды удовлетворялись посредством продуманных шахт.

Большая часть камер пустовала. Узники недолго протягивали в них. Мало кто из людей мог выдержать подобное наказание. Однако заключенный, интересовавший капитана, был особенным. И Гварджи Оард желал узнать, правдой ли было то, что говорилось о нем в документах.

Глухо закрылась дверь за его спиной, щелкнул замок. Полицейский остался один на один с опаснейшим из преступников, злостным убийцей и поджигателем, и со своими еще более опасными надеждами.

– А-а, – прошелестел голос из темного угла камеры. – Десять? Не-ет, пятнадцать лоз... – Блаженный вздох. – Пятнадцать лоз и пятнадцать лет выдержки – ровесники по заточению. – Смешок. – Орех и ваниль... Божественно...

– Что ты такое говоришь? – спросил капитан полиции, ничем не выдав замешательства.

Удивляться сейчас должен был не он, а заключенный, впервые за долгие годы увидевший живого человека. Однако все вышло наоборот. Гварджи Оард несколько опешил. Он и вправду принес с собой бутылку коньяка, чтобы напомнить узнику о наслаждениях, ждущих его на свободе.

– В честь чего же такой праздник? – вопросом на вопрос ответил Лүко Лббо.

Грязный и тощий, как бродячая собака, седой, но сохра-

нивший гордую осанку, наемник вышел из тени и прищурился. Солнце, скупым столпом падавшее из световой шахты, было ему не в радость.

– А-а... – догадался он. – Амнистия никак?

– В порядке исключения, – вымолвил Гварджи Оард. – Если я так решу.

– Но-о? – протяжный рык вырвался из вонючей пасти того, кого прозвали Бешеным Волком.

Капитан извлек из кармана сложенный лист и аккуратно развернул его. На бумаге блеснул длинный светлый волос. Это была единственная улика, которую ему удалось обнаружить на месте убийства министра безопасности.

– Что скажешь?

Луко Лобо медленно приблизился и склонил голову. Поглядывая исподлобья на стража порядка, он повел носом.

– Цветы... – пропел он с придыханием. – Лимо-он... Жасми-ин...

– Эльф? – резко спросил Оард.

– Не-ет, – прошипел заключенный. – Челове-ек. Девица. Молодая и...

Он вскинул голову. Его бледно-серые глаза неприятно блеснули, и капитан инстинктивно отшатнулся. Да, пятнадцать лет заключения свели бы с ума кого угодно. Но могли он, Гварджи Оард, проработавший на королевской службе ровно в два раза дольше, использовать это сумасшествие во благо закона? Возможно ли было натравить одно чудови-

ще на другое?

Оард достал бутылку коньяка и осторожно протянул ее заключенному, как будто отдавая кость больной заразной собаке. Луко схватил бутылку, откупорил и сначала принялся обнюхивать горлышко. Облизнувшись, он сделал первый глоток. Затем снова. И принялся пить янтарную жидкость с такой жадностью, что Оарду стало не по себе.

– Что еще? – спешно бросил он, пока его собеседник еще был способен ворочать языком.

– А-а? – Заключенный оторвался от нектара и недовольно глянул на капитана.

– Девица, – напомнил полицейский.

– Девка, – ухмыльнулся Луко. – С мужиком была накануне...

На этот раз Гварджи Оард уже не сумел сдержать удивления. Как мог обычный человек узнать такие подробности по одному только запаху?!

– Бреешь... – поморщился полицейский.

– ...А что с девкой? – напомнил ему Луко и, облизнувшись, снова прильнул губами к бутылке.

– Есть у нас еще одна камера, – медленно проговорил Оард. – Мы называем ее «колодец». Колодец очень узкий и расположен так глубоко, что свет до него не доходит...

– Не надо пугать меня, королевский служака, – фыркнул заключенный, брызнув орехово-ванильной слюной.

– А я и не пугаю, – скупно улыбнулся капитан. – Колодец

дожидается девку, а тебя – амнистия. Если приведешь ее, конечно, – живой. Впрочем, мертвой – тоже можно. Не обижусь.

– Э-э, – вздохнул Луко, с сожалением стряхивая себе на язык последнюю каплю коньяка. – Ты хочешь, чтобы я, дикий волк, – и помогал самторийскому псу?

– Да, – глухо ответил Оард. – Мне нужна твоя помощь...

– Слышу отчаянье в твоём голосе, – мерзко улыбнулся зашмелевший преступник. – Интересно, что за зверь такой твоя сучка?

– Сумеречная лиса.

Капитан полиции пристально глянул на заключенного. Нет, не показалось, в глазах Луко промелькнуло холодное пламя ненависти.

– Тебе ведь известно, кто такие сумеречные лисы, верно? – победно усмехнулся Оард.

Его собеседник вдруг зашипел и отвернулся, не то глубоко задумавшись, не то потеряв всякий интерес к разговору.

– Поможешь мне и проваливай из королевства... – немного выждав, предложил полицейский.

– Согласен... – раздался глухой ответ.

– Сумеешь взять след?

– Ага...

– А на тропу, – капитан понизил голос, – не забыл, как выходить? Серый *волк*...

Не говоря ни слова, заключенный сделал шаг в тень и рас-

творился в сумрачной части камеры, словно бы его и не было здесь вовсе. Растворился, но далеко не ушел, ибо камера была опутана аурами магов-мстителей. Тень же, в которой спрятался узник, никуда не вела. Она была рукотворной и плоской, плащ-невидимка – не более.

– Славно, – одобрил Оард. – В таком случае добро пожаловать в нашу самторийскую стаю, *вингенс* Луко Лобо.

– Да будет так, – глухо ответил заключенный, вновь выходя на свет.

* * *

Ее окружала тьма. Затхлый и душный мрак обнимал ее со всех сторон. Он давил с такой невероятной силой, будто был целой грудой камней. Словно стены маленького погреба, где девочка пряталась в детстве от пьяного отца, обрушились на нее вместе со всем их нищенским жилищем.

Уйдя в монастырь Единобо, девочка заставила себя забыть тот дом. Прошлое никуда не делось. Оно осталось, но произошло с кем-то другим – не с ней.

В монастыре девочку любили. Ее никогда не обижали и не заставляли делать того, что могло причинить боль или стыд. Там она выросла, обрела новую семью и друзей.

Ее лучшая подруга – веселая хохотушка – обладала неунывающим нравом. Светлая улыбка не сходила с губ монахини даже во время болезни. Когда же смерть стерла с вес-

нушчатых щек румянец и слизнула блеск с рыжих кос, улыбка подруги продолжила жить в сердце девушки.

Лишь помня ее и надеясь на новую встречу, монахиня перенесла боль и нечеловеческий страх, когда в стенах Нороэша разверзлась Бездна. Писания утверждали, что после смерти все друзья и любимые воссоединятся в чертогах Единого.

Но... ни света Единого, ни чертогов Его монахиня не увидела. А потом начала блекнуть даже улыбка подруги. Драгоценные воспоминания будто подернулись туманом. Зато обрели плоть кошмары из детства: отец, дом, погреб и горе...

Священные писания вдали! Не существовало никакого выхода в свет. Не было чертогов Единого. Не произошло воссоединения с подругой. Ее обманули и бросили тут одну! С монахиней остались лишь отчаяние и давящая тьма.

А была ли она монахиней? Она ли? Или уже кто-то другой? Была ли у нее подруга? И как же ее звали? Девушка не помнила – забыла.

И вдруг она ощутила некое движение, словно драгоценный воздух струился к ней сквозь слои земли. Однако то был не воздух, но *сила*. Монахиня попыталась вздохнуть и ощутила на губах привкус пепла. Затем она услышала голос, бесцветный и тяжелый.

– Кто ты? – спросил он.

«Я... не помню, – подумала девушка. – У меня нет имени... Меня больше нет...»

– Тебя нет, но есть твои желания. Скажи, что ты хочешь?

«Я хочу выйти из тьмы!» – воскликнула она.

– Но зачем ты пришла сюда? – продолжил голос.

БЕЗЫМЯННАЯ

«Я... принесла себя в жертву...» – ответила монахиня.

Отчетливей всего она помнила последние мгновения в Норозше: чувство долга и надежду, связанную с ним. Затем появились гнев и обида. И вся прошлая жизнь с каждым новым вдохом становилась все короче, блекла, затухала, рассеивалась.

«Но ритуалу помешали...» – с горечью добавила девушка.

– Помешали, – подтвердил голос. – *А помнишь ли ты, о, не имеющая имени, кто помешал ритуалу?*

«Да, – твердо ответила она. – Я помню... ее».

– *И ты сможешь ее найти?*

«Но я мертва...» – всхлипнула монахиня.

– Ты не мертва, – успокоил голос. – *Ты отдала жизнь нам, и за это мы в долгу перед тобой. Мы сохранили твоё тело и можем наполнить его новой силой. Ты будешь жить. Но нам снова понадобится твоя помощь. Согласна ли ты?*

«Да! – воскликнула она. – Я была и я согласна вновь стать сосудом для вашей силы! Я хочу помогать и служить вам».

– *Да будет так,* – заключил голос. – *Пробудись же! Дабы свершилось правосудие и была восстановлена справедливость, воскресни, о Безымянная.*

Тьма не рассеялась, и свет не брызнул, как она ожидала. Но после этих слов Безымянная вдруг ощутила внутри себя непреодолимое желание. Ее тело словно налилось жгучей страстью! Чувство это распирало грудь, заставляло бить-

ся сердце. Оно пульсировало внутри девушки, заставляя ее *действовать*.

И Безымянная принялась копать. Она царапала когтями саму тьму и рыла до тех пор, пока не достигла поверхности. Она *сама*, собственными усилиями, выбралась на свет. И небо ослепило ее, а ветер опьянил бесчисленными запахами.

Девушка высвободилась из объятий земли и замерла, стоя на четвереньках. Она с наслаждением вдыхала свежий воздух, и голова ее кружилась, а мир плыл перед глазами.

Первое, что различила девушка, – это слабый блеск на расстоянии вытянутой руки. Сделав усилие, Безымянная выхватила из пепла амулет, уцелевший лишь каким-то чудом. Это был неважно сработанный кулон – серебристый металл, простой круг с отверстием по центру, – но почему-то он манил, будто бы был самой величайшей драгоценностью на свете.

Безымянная сжала амулет в кулаке. Он обжег ее ладонь, но боль прояснила мысли. Тело девушки содрогнулось от нового прилива желания. Глухо постанывая, она поднялась на ноги. Движения ее были резкими, угловатыми и неудобными. Суставы скрипели и щелкали. Шея затекла и почти не вращалась.

Когда головокружение прошло и мир вновь обрел четкость, девушка огляделась. Вокруг простирались лишь серые холмы да зубьями иссохших деревьев скалилась кромка далекого леса. Все было мертво.

«Все мертвы, – вспомнила девушка. – Мои добрые сестры и братья, жрецы и солдаты... Она убила всех...»

Безымянная принялась. Один из запахов показался ей особенно отвратительным. Этот цветочный смрад напоминал о перенесенных ужасах, о катастрофе, о смертях. Девушка пошла по его следу, а найдя источник, упала на колени и снова начала копать.

Вскоре она извлекла из-под замерзшей корки грязи спутанный клочок волос. Это была коса. Девушка поднесла ее к лицу, пристально осмотрев и хорошенько запомнив запах... Жасмин? Или лимон? А затем бросила обратно в грязь и, подскочив на ноги, с остервенением принялась топтать. Она рычала, кричала и прыгала на месте, словно безумная, до изнеможения.

Усталость ее отрезвила. Безымянная поглядела на свои руки – бледные, грязные и тощие, но живые и полные сил. Девушка сжала кулаки.

Ее переполняло желание жить. И мстить.

1. Яблоне́вый сад

Было время, когда все творения Единого Создателя жили вместе в мире и согласии. Города и леса в равной степени блистали красотой. Звери заботились о священных рощах, а духи природы, в них обитавшие, охраняли саму душу мира.

Но пришла беда. Движение недр земных разбило единый материк на континенты. Страх отделил тонкие пласты от материальных, и возникли царства духов и царства людей. Опустели священные рощи, а золотые города рухнули. Безвозвратно пропало и погибло невиданное множество созданий. А тех, что выжили, разлучили непреодолимые расстояния.

Однако был среди зверей один, отличавшийся силой невиданной и еще более крепким сном. Так уж вышло, что спал он в то время, как мир сотрясало зло. А проснувшись, увидел, что оказался он один-одинешенек. И потому как по природе своей не любил тот зверь покидать привычных угодий, не ушел он в леса, а остался в опустелой священной роще.

Легенды Энсolorадо

Сначала была тьма. Но вот во мраке забрезжил свет. Словно теплый золотистый поток подхватил ее, плывущую по безбрежному океану мрака. Сияющие воды омыли ее и проникли внутрь. Они поглотили ее всю без остатка, будто рас-

творяя в себе сами границы ее сущности.

Где она? Кто она? Она там, где должна быть? Или она... уже не она, она... нигде и никто?

«Я – это я, – твердо сказала она свету, отделяясь от него. – Я... человек, женщина, охотница, – гордо ответила она на его молчаливый вопрос. – Я Дженна!»

Свет согласился. Он возвратил ей чувства, позволил снова слышать и осязать. Дженна ощутила под собой плотную землю и услышала веселый смех где-то вдалеке.

– Ах, Рыжик, как же сегодня красиво! – Звуки становились все громче, обращаясь словами. – Небо и вода поделились с нами радостью! Ты иди, принеси нам синих яблок. А я посижу с ней рядом еще немножечко. Вдруг она проснется? Давно уже пора просыпаться!

Дженна почувствовала, как кто-то погладил ее по волосам – мягкое прикосновение, тепло маленьких пальчиков. Она ощутила сладкий яблочный запах... и *радость*. *Чужая радость* наполнила наемницу прежде, чем она вспомнила о своей *боли*.

Золотые воды, омывавшие девушку, постепенно становились все ярче. Их колкий свет скопился у нее под веками. Не в силах больше выносить его, Дженна распахнула глаза. И свет вырвался наружу. Сияющими брызгами он разлетелся в разные стороны и застыл в ветвях огоньками белых цветов.

Дженна лежала в высокой траве, не в силах ни пошевелиться, ни вымолвить хотя бы слово. А над ней распростерли

изогнутые ветви яблони. Деревья были невероятно огромными! Достававшие почти до самой земли ветви буквально ломились под весом желтых и красных, но вовсе не синих плодов. И в то же время между листвы сияли белые цветы. Их лепестки лениво осыпались, танцуя в воздухе, подобно мотылькам.

– Просыпа-айся. – К ней склонилось милovidное курносое личико. Девушка тряхнула головой, откидывая со лба пышную челку. Ее светло-золотистые волосы были переплетены с зеленой травой. – Ах ты соня... Ну сколько же можно спать?

Худенькая и смешливая незнакомка, одетая лишь в большие и неведомо как скрепленные между собой листья лопухов, потянула Дженну за руки, пытаясь приподнять. Наемница ощутила свои пальцы, ладони и кисти, а затем и все ее тело будто обрело плотность. Все, кроме ног. Дженна разомкнула сухие губы и застонала. Ее голос – голос снова вернулся к ней!

– Где я? – прохрипела она.

Боль ушла, но осталось бессилие.

– У меня дома, – ответила златовласая незнакомка, одетая в лопухи. – Меня зовут Ау́ка.

– Дженна, – выдохнула наемница. – Мое имя...

– Угу, я знаю, – кивнула девушка. – Ты уже говорила, кто ты.

– Уже? – удивилась Дженна. – А долго ли я...

– Много-много времени! – было ей ответом. – Много чудесного, солнечного времени! Как же я рада, что ты наконец очнулась! А теперь вставай, Дженна!

«Вставай...» Наемница глубоко вздохнула и попыталась вспомнить, как это делается. «Много-много времени» – дней, недель или... Сколько же она пролежала без движения? У дороги, здесь или... *нигде?*

– Я... не могу, – пожаловалась она. – Мои ноги...

– Ноги? – удивилась Аука.

– Их... словно нет, – пояснила Дженна.

– Как же так?

– Я... не знаю...

Аука состроила серьезную гримасу.

– А знаешь ли ты, что ног нет только у тех, кому не надо ходить? – заявила она. – Например, у рыб...

– Мне надо, – всхлипнула Дженна. – Я не рыба...

– А может быть, – Аука задумалась, – ты просто *не хочешь* ходить? Или тебе *некуда идти?*

Наемница стиснула зубы, сжала кулаки, а девушка крепче схватила ее за запястья и потянула на себя. Дженна села, пошатываясь, словно пьяная, и огляделась. Неподалеку валялась ее котомка с вещами, а вокруг был лишь сад.

– Воды, – слабо простонала она. – Я хочу... пить. Дай воды. Пожалуйста.

– Воды здесь много, – сообщила Аука. – Много-много чистой и вкусной воды! Она там, – девушка махнула рукой в

сторону, – в озере.

– Ты можешь принести мне попить?

– Как же я могу перенести сюда озеро? – искренне удивилась Аука. – Нет уж! Придется тебе самой переместиться к озеру.

Дженна с отчаянием застонала и упала обратно в траву. Но жалость к себе ничего не меняла. Вздохнув, девушка перекатилась на живот, поднялась на локтях и поползла в сторону воды, волоча за собой ноги, словно тяжелый бесполезный груз.

Шипя от злости и бессилия, она пробиралась сквозь травы и цветы, распугивая полупрозрачных насекомых. И наконец достигла вершины холма. У его подножия девушка увидела круглое озеро. Идеально гладкая поверхность воды отражала синее небо и белые шапки облаков.

На миг Дженне почудилось, что тот отраженный мир гораздо четче и плотнее, чем все вокруг нее. Прогоняя прочь жуткое наваждение, девушка обхватила себя руками, кое-как оттолкнулась и покатилась вниз. Аука улеглась на бок и последовала ее примеру.

– Ах, жаль, что Рыжуля ушел! – весело взвизгнула она. – Ему бы понравилось!

Оказавшись у озера, Дженна склонилась над зеркальной гладью и с жадностью принялась пить. Вода была холодной и неопишимо вкусной! Дженна пила, и никакие доводы разума не могли ее остановить. Утолив жажду, она откинулась на

спину и замерла.

Что же теперь? Неизвестно, сколько ее тело пробыло без воды, без еды и без движения. Как оно воспримет такое количество жидкости? Что там обещали в учебниках ее мира? Отек мозга, легких... отравление водой?

– Ну как? – заинтересованно спросила Аука, прерывая ее научные размышления. – Твои ноги появились?

В ответ Дженна лишь жалобно всхлипнула. Отравления не наблюдалось; напротив, ее самочувствие заметно улучшилось. И все же ноги «не появились».

Девушка перевела взгляд на небо и восторженно вздохнула. Между пышными шапками облаков как ни в чем не бывало сияли звезды!

Белые цветы, прозрачные насекомые, а теперь еще и звезды среди бела дня – волшебство или галлюцинации? Возможно ли, что она следовала лисьей тропой да и провалилась в какую-то нору, попала в гигантский колодец, со дна которого даже днем были видны звезды?

Дженна внимательно прислушалась. Мелодия жизненной силы – витали сада – была странной, едва различимой. Птицы не пели, плавающие в воздухе насекомые не жужжали и не пытались укусить. А запахи были какими-то слишком простыми, как будто плоскими.

– Аука, – озадаченно произнесла Дженна, – а почему яблони одновременно и цветут и плодоносят?

– Ах, яблони уже давно не цветут, – задумчиво ответила

Аука. – Знаешь, когда-то я была совсем маленькой, крохотной, вот такусенькой. – Девушка продемонстрировала мизинчик. – Тогда вокруг было много друзей. А за облаками вздымались сотни башен Золотого города. Ах, как дивно пели их колокола...

– Сотни *белых* башен? – насторожилась Дженна.

– Конечно же нет! – рассмеялась Аука. – Сотни *золотых* башен Золотого города! В те времена все было... *правильно*. Ночь сменяла день, а день – ночь. Яблони цвели, потом плодоносили. Но... Затем что-то случилось. Что-то очень-очень страшное. Все пропали. И город исчез. Уже давно я его не видела. Хотя иногда я все еще слышу его музыку... – Она вздохнула. – Тогда же перестали цвести и яблони...

– Перестали цвести? – Дженна расстроилась, заключив, что звезды и цветы – это все же ее галлюцинации. – А как именно давно случилось это *что-то*?

– Очень давно. – Аука подняла голову, и, к удивлению наемницы, улыбка пропала с ее губ, а в синих глазах отразилась глубокая, невыразимая тоска. – *Вчера*...

– Вчера? – ошарашенно повторила наемница, и в ее груди что-то болезненно отозвалось. Что за путаница во времени? – А насекомые?

Дженна провела рукой у своего лица, пытаясь поймать полупрозрачное существо, которое для галлюцинации было все-таки слишком навязчивым. Крохотная змейка с крыльями стрекозы играла с одним из локонов наемницы. Но ока-

завшись на ее теплой ладони, насекомое рассыпалось светом и растаяло.

– А-а, наверное, это *планктосы*, – догадалась Аука. – Парящие странники. Они как будто здесь и не здесь одновременно. Но на самом деле их вообще нет. Это... призраки, воспоминания, сны...

– Невероятно, – ахнула Дженна, разглядывая свои руки.

– Как чудесно, что ты их видишь! – проговорила ее собеседница, снова расцветая в улыбке.

– Это странно... – добавила Дженна.

– Восхитительно странно! – закивала Аука. – Может быть, ты и сама какой-то крупный планктос, а?

– «Они здесь и не здесь одновременно». – Дженна хмыкнула. – Ну тогда, может быть, я и правда планктос, – она пожала плечами, – кто-тос или нектос... По крайней мере, частично.

– Твои ноги, – вспомнила Аука. – Ты уже решила, зачем они тебе?

– Да что же тут непонятного? – рассердилась Дженна. – Ноги нужны для того, чтобы ходить по земле!

– М-м, – хихикнула Аука. – А *зачем*?

– Глупый вопрос!

– Почему?

– Глупый и все...

– Так чего же ты хочешь, Дженна? – повторила девушка.

Наемница нахмурилась и замолчала. После рассказа Ауки

тишина яблоневого сада угнетала ее не меньше, чем собственное бессилие. Эта тишина была самым *бессилием*, но не тела, а как будто *души* сада. Он был прекрасен, но словно *ранен*, лишен какой-то важной составляющей. Это было страшно, *неправильно*.

– Я хочу... – прошептала Дженна. – Я хочу защищать мир от всего страшного и неправильного...

– А-а? – переспросила Аука.

– Ты совсем ничего не понимаешь, что ли? – фыркнула наемница и вдруг ощутила, как внутри у нее словно что-то ожило, а в животе громко забулькало. – Я хочу защищать мир от зла! – повторила она, пошевелив ногами. – И есть. Я хочу есть, леший подери!

– Ха-ха! – рассмеялась Аука и с готовностью протянула ей большое наливное яблоко. – Пожалуй, это подходит!

Дженна приняла ее дар и с удовольствием откусила кусок от сочного плода.

Яблоки. Это были яблоки. Большие и маленькие, всех цветов, оттенков, видов и даже вкусов. Попадались среди них яблоки со вкусом яблок и со вкусом, напоминающим ароматную землянику, жгучую редьку, даже траву и уже совершенно невесть что. Их можно было есть сырыми или варить в котелке для разнообразия, даже посолить при желании. Но все это были яблоки – на завтрак, на обед и на ужин.

Дженна заново училась ходить и даже смеяться.

Говорить она могла, но ее голос был хриплым, скрипучим, как будто чужим. А во время смеха гортань словно что-то стискивало изнутри, вызывая продолжительные приступы кашля.

Наемница приспособила большие листья лопухов как чаши, в которых она нагревала на солнце сладкую озерную воду. Беззаботная Аука складывала в них травинки. Этой водицей Дженна полоскала горло, булькала и напевала разные звуки, чем очень забавляла новую подружку. Процедуры работали – после них девушки смеялись и хохотали уже вдвоем.

Ноги хотя и появились, но слушались плохо. Дженна ходила, но недалеко и недолго. Ей приходилось часто отдыхать. Но девушка не унывала. Шаг за шагом, через недомогание и слабость она заставляла себя вставать и идти дальше.

Тьма под веками вновь и вновь сменялась светом солнца. Сны чередовались с явью. И порой было сложно определить, какой из двух миров более реален.

Время шло. Хотя его течение было совершенно невозможно ни уловить, ни подсчитать, вместе с ним уходило и бессилие. Вскоре наемница смогла приступить к тем нехитрым упражнениям, которые она, казалось, еще совсем недавно сама преподавала книгохранителю. Девушка прыгала и скакала, вытаптывая густую траву и беззастенчиво нападая на молчаливые деревья.

Поскольку ее верный лисий меч бесследно пропал в руинах монастыря, девушка заменяла его сухими ветками, приблизительно схожими по тяжести с потерянным оружием. Ветки было неудобно держать, крутить, да к тому же они часто ломались, но это было лучше, чем ничего. В другую же руку Дженна брала кинжал.

Один ее клинок был короче, другой – длиннее. Длинным она наносила рубящие удары, а коротким – колющие. Она рубила и колола в разных плоскостях, крутила длинным «мечом» восьмерку и довершала удар выпадом «кинжала». Одновременно она вращала оружие снизу вверх и сверху вниз, друг за другом, с помощью асимметричных движений упражняя не только мышцы, связки и суставы, но и ум.

Вначале было тяжело. Дженна путалась в руках и ногах, ударяла сама себя палкой и спотыкалась глупо и нелепо, как это было в детстве. Наемнице приходилось преодолевать не только слабость, но и свою гордыню. И постепенно выносили, координация и ловкость начали возвращаться. Тело хотя и было истощено, но не потеряло память и навыки.

Вместе с тем Дженна не оставляла попыток разузнать, как же ей выбраться из этого странного места. Казалось, что просторы сада не имеют границ. В какую бы сторону ни направлялась наемница, всюду пейзаж был неизменен. Ее окружали яблони – старые и волшебно плодовитые гигантские деревья.

Иногда между холмами девушка видела озера – исключительно круглые и схожие между собой как близнецы. Глад-

кие и сияющие, словно зеркала, они по неясной причине пугали Дженну. И, при всей любви к воде, наемница опасалась купаться в них, заходя не дальше чем по колено.

– Послушай, Ау, неужели ты никогда не выходила за пределы сада? – спросила как-то Дженна.

– Куда бы я ни выходила, мой дом всегда в моем сердце, – ответила Аука.

Девушки сидели на берегу озера. Дженна угощалась красными яблоками и любовалась облаками. Облака были большие, словно королевские замки, и переливались белизной, подобно дорогой атласной ткани. Аука играла с ее волосами, вплетая в многочисленные косы длинные стебли трав. Она уже украсила запястья и щиколотки Дженны неувядающими зелеными браслетами, а теперь сооружала ей прическу на манер собственной.

– И ты всю жизнь ешь одни яблоки? – нахмурилась наемница, вертя в руке надкусанный плод.

– Ну конечно! А что же еще прикажешь мне есть?

– Пироги, грибы, мясо... – предложила Дженна.

– Мясо? – испугалась Аука. – Это же то, из чего *ты* сделана! Хочешь, чтобы я тебя съела?

– И правда... – вздохнула Дженна.

– Рыжуля рассказывал, что иногда в озере появляется рыба, – вдруг вспомнила Аука.

– Неужели? – оживилась наемница. – А кстати, где же он

сам?

– Ах, не знаю, – пожала плечами девушка. – Запропастился куда-то... Понимаешь, он, как и ты, не очень любит яблоки. Иногда он даже шутит так смешно... – Она залилась переливистым смехом. – Он шутит, что если рыба не появится в ближайшее время, он может и меня съесть! Представляешь?

– Ну-у, – потупилась Дженна. – В общем-то... Честно говоря... Не так уж и сложно это представить.

Они рассмеялись уже вместе. Хотя шутка, на вкус Дженны, была не самой удачной. Стало ясно, что в присутствии Ауки у нее не получится даже порыбачить.

Яблоки уже не приносили девушке прежней сытости, и постоянное чувство голода становилось все более утомительным и даже болезненным. Дженне не хватало не только мяса, но и пищи иного рода. От однообразных разговоров о красоте деревьев, солнца и облаков в ее голове мыслей становилось все меньше, а улыбка на лице делалась все более бессмысленной.

И опять она закрывала глаза и открывала их. Тьма сменяла свет, а свет – тьму лишь под веками. Вновь и вновь.

Сколь бы долго ни длился этот беззаботный солнечный день, время шло: волосы Дженны отрастали, тело становилось все крепче, зеленое платье все больше теряло цвет, а яблоки – вкус. Спустя дни, недели или месяцы по обычному

их исчислению – и более определенно сказать было невозможно – Дженну начала одолевать смертельная скука.

Она уже исходила близлежащие окрестности вдоль и поперек, знала каждую травинку и былинку. А уж сколько травинок и былинков было теперь вплетено в ее волосы и браслеты – не описать! Но бездействие, словно кусок недозрелого плода, встало у нее поперек горла.

И вот однажды Дженна взвалила на спину свою котомку, подтянула ремни на плечах и на поясе и пришла к Ауке, чтобы попрощаться.

– Аука, – сказала Дженна. – Я ухожу...

– Не стоит тебе уходить, – улыбнулась девушка. – Пожалуйста, останься.

– Послушай, Аука, – вздохнула наемница, – я была рада познакомиться с тобой, но в чем бы ни был смысл моего существования, нашей с тобой встречи и вообще всего на свете, я должна идти... И это единственное, в чем я по-настоящему уверена.

– Да-да, – с неожиданной грустью сказала Аука. – Так уже было и так будет всегда...

– Очень я в этом сомневаюсь... – усмехнулась Дженна.

– А я знаю! – Аука всхлипнула и отвернулась.

– Ну не надо так, Ау, – расстроилась наемница. – Мне не хочется оставлять тебя здесь одну... Может быть, тебе пойти вместе со мной?

– Мне нельзя, – ответила Аука. – Кто-то должен ухаживать

за садом...

– Слушай, Ау... – сказала Дженна. – Я понятия не имею, как очутилась в твоём саду... Понимаешь, я шла к учителям, в горы Аркха, а потом... Потом я упала. Но снова падать я не собираюсь! И если ты объяснишь мне, *как* я сюда попала, я обещаю, что еще вернусь, чтобы навестить тебя...

– ...Ты обязательно вернешься! – горячо перебила ее Аука. – Ты вернешься сюда. Я помню. Ибо ты *уже* возвращалась...

– Да, я возвращалась, – согласилась Дженна. – Раньше я просто гуляла по саду, но теперь я ухожу *насовсем*. Видишь, я собрала свои вещи?

– Ты *уже* возвращалась, – настойчиво повторила девушка. – Ты возвращалась, и платье твое было черным, в глазах и в волосах твоих искрилось серебро, а за плечами висели пустые ножны... Ты была не такой, как сейчас. – Ее голос стал еле слышным, в нем зазвенели слезы. – Ты была другой, страшной... Все было страшно! Очень-очень страшно...

– Что? – испуганно прошептала наемница. – Да о чем ты говоришь? Не понимаю! Когда же... Когда это было?

– ...*Вчера*, – ответила девушка.

Она подняла на Дженну большие глаза, и наемница ахнула. В этих прежде синих омутах она вдруг увидела уже знакомый ей радужный свет. Такие же глаза были у духов-лигнитлеи! Но наемница никогда не видела их живьем, лишь в своих снах! Даже когда училась в горах Аркха, она общалась

с лисами, но не с духами, и вот теперь...

– Слышишь? – тихо проговорила Аука, взглянув на небо. – Колокола снова звонят...

2. Странник

Девочка играла в дубовой рощице. Что-то весело напевая, она танцевала под собственную песенку, прыгала с камня на камень вдоль ручья и кружилась среди молодых деревьев. Было довольно прохладно, но веселая забава помогала девочке согреться. Грело это зрелище и сердце ее отца, наблюдавшего за дочерью из окна башни.

Он мог долго любоваться своим ребенком, но дела не ждали. Черное перо, лежащее на ладони жреца, заметно потеплело, сообщая о приближении обладателя. Спустя время двери распахнулись.

– Да здравствуешь ты в вечности и бесконечности, сын Ясного Солнца, – тихо произнес вошедший.

Служитель Единого обернулся, и радостная улыбка озарила его лицо. Этот бархатный тембр, мощный и в то же время гибкий голос мог принадлежать лишь одному существу. Странник, одетый во все черное, был высок, смугл и черно-волос. И будто самая темная ночь были его глаза: непроницаемые для света, словно вовсе лишённые зрачка.

Гость и Его Святейшество одновременно коснулись ладонями лба и груди, а затем пожали друг другу руки.

– Приветствую и я тебя, о, сын Сокрытого Солнца! Да здравствуешь ты в вечности и бесконечности, – торжественно ответил Дэрей Сол.

– Прошу, не называй меня так, старый друг, – произнес мужчина безразличным тоном. – Уже давно я снял с себя короны, сложил скипетры и не нуждаюсь более в пышных титулах.

– Это *твой* выбор, друг, и я уважаю его, – кивнул Дэрей Сол.

Он приблизился к выточенному из камня столу, поставил на полированную поверхность два бокала и наполнил их вином.

– Как и я уважаю твой путь пастыря, друг, – проговорил странник, наблюдая за тем, как плещется в графине рубиновая жидкость. – Многим из нас он оказался не по силам...

– Уже столько раз я возвращался к своему сану, – покачал головой жрец. – Человеческие поколения сменяются одно за другим, и ровно через одного преемника я снова и снова прихожу в этот храм и в эту башню, как собственный сын, внук, правнук: Ойур, Витор, Дэрей... – Он вздохнул и бережно провел пальцами по широкому, расшитому золотыми письменами поясу. – Мой путь светел и прям, как путь солнца. Но, признаться, я сам не всегда столь же умело иду по нему. – Жрец бросил тяжелый взгляд на серое небо за окнами. – Знаешь, Сай, порой так сложно... *не быть* человеком.

– Это потому, что ты слишком любишь их, Сол, – сказал мужчина. – Слишком... Однако эта любовь и делает тебя действительно хорошим пастырем.

– А порой отупевшим слепцом, – тихо признался Дэрей. –

Я так уважаю свободу воли каждого живого существа, что позабыл о том, что рыбам – море, а птицам – небо. Я снова позволил им выйти за пределы их *ареала*.

– Чем же младшие дети Единого тебя расстроили? – На лице странника, будто высеченном из камня, невозможно было прочесть ни тени эмоций, однако его низкий голос проявил скрытую иронию. – Я заметил, что на улицах Самториса беспорядки... Ты снова дал им чрезмерно свободы?

– ...И силы, – нахмурился жрец. – Не осознавая того, я дал им силу, с которой не справились их умы.

– Кем они возомнили себя на этот раз – богами? – В голосе мужчины послышалась усмешка, но выражение лица осталось неизменным. – Увы, в истории этот случай не первый, да и не последний...

– Ты прав, друг...

– О, люди – загадка Единого... – Губы странника пренебрежительно скривились. – Их аппетиты возрастают с каждым витком времени... Словно совершенствуя дух, они все шире раскрывают и некую дыру – бездонный омут, поглощающий свет... Удивительно, что человечество до сих пор не уничтожило само себя. Эти существа способны ненавидеть *друг друга* сильнее, чем все прочие...

– ...Но и *любовь* их не знает границ, – улыбнулся жрец.

Видя, что его друг нахмурился, Его Святейшество мягко добавил:

– И таланты их бесценны... Посмотри на архитектуру

Самториса: храмы, дворцы, музеи, библиотеки, университеты – дело рук человеческих.

– Я вижу смешение стилей, порой абсурдные и нелепые сочетания, – вставил собеседник. – Как можешь ты сравнивать Самторис с величайшими Амиром, Айвалином или Лиаром...

– Верно! – согласился жрец. – Деяния эльфов и сидов прекрасны, однако они предсказуемы, однообразны... Они видят красоту и повторяют ее, но... Люди... О, люди! Они находятся в вечном поиске! Их восприятие постоянно меняется! Альвы: и сиды, и эльфы, и тролли, и гномы с цвергами застыли в своих границах... А люди постоянно их расширяют! Они удивляют! Вдохновляют!

– ...Раздражают и даже ужасают.

– Да! Все наиболее прекрасные и ужасающие, талантливые и бездарные, любящие и озлобленные души, которые мне довелось встретить на своем пути, были людскими...

– Не забывай, что и *предательство* присуще исключительно людям, – сухо добавил мужчина в черном. – Альвы не меняют своего мнения, а люди подвержены постоянной смене настроения. Сегодня ты им друг, завтра ветер дунул в другую сторону, и ты стал их врагом. Они жадны не только до красоты и знаний, но и до власти. Они способны идти по трупам близких: отцов и матерей, возлюбленных и друзей... Только дай им возможность, и они не замедлят указать Единому Его новое место в истории Бытия, а заодно и тебе, о

Святейший...

– Мне жаль, что люди твоего мира предали тебя, друг, – с грустью проговорил Дэрей Сол. – Однако я *здесь* для того, чтобы оберегать людей, а не разгадывать их предназначение и помыслы Единого...

После долгого молчания странник первым нарушил тишину:

– Должен ли я спросить тебя, что случилось? Признаться, я был рад услышать твой зов, но и встревожен немало. Нечасто ты приглашаешь кого-то из нас, чтобы выпить в приятной компании.

– ...Ты оценил вино? – оживился Дэрей Сол, поднимая бокал. – Я постоянно работаю над новыми сортами винограда, но так и не сумел превзойти самого себя в юности.

– О да. – Его собеседник жестом ответил на молчаливый тост. Он покрутил бокал в руке и, прикрыв глаза, сделал небольшой глоток. – Интенсивный аромат ягод, нюансы пряностей... Кардамон, гвоздика и мята? Знаменитый сорт винограда «мелес» – глинистые почвы и мягкий отжим. Выдержан в старых дубовых бочках. «Медовая *кровь*». – Он прищурился. – Даже странно, что такое название для вина пришло в голову именно тебе, о Высочайший.

– Было время, – жрец печально улыбнулся, – когда меня величали иначе. Пришлось пролить немало крови ради установления прочного мира в Энсолорадо.

– Прекрасно вино твое, богаты и обширны виноградни-

ки, – мужчина в черном понизил голос. – Однако неожиданный снегопад в Стране вечного лета может неблагоприятно сказаться на новом урожае, не так ли? Да и выжженная пустошь посреди леса...

– И это не укрылось от твоего взора. – Дэрей Сол осушил бокал и вновь наполнил его.

– Люди рассказывают, что целый монастырь ушел под землю.

– Ушел, – рассеянно повторил жрец. – Но с этим я справлюсь. Как и с резким похолоданием. Ты прав, моим виноградникам такой климат не подходит...

– Так выпьем же, – произнес странник, поднимая бокал, – за виноградники, за тебя и за *свободу*, ограниченную ареалом обитания.

– Тебе известно, что как свобода, так и наши собственные возможности ограничены «ареалом» возложенных на нас задач, – продолжил Дэрей Сол, пригубив вино. – И выжигание пустошей не в моей компетенции.

– Терпеливо ожидаю твоего рассказа, друг.

– Знаешь, когда-то – столь давно, что уже и столетий тому не сосчитать, – этот город носил другое имя... – Жрец задумчиво улыбнулся. – Его храмы сияли золотом, а крепостные стены были сотканы из воздуха. Вместо закованных в камень парков повсюду свободно цвели рощи. Все живые существа жили в мире и согласии.

– Золотая эпоха...

– Да. – Сол кивнул. – В те стародавние времена круг хранителей поддерживал целостность мира Сия – всего нашего мира – от Белых льдов до Диких Земель, от Восточной Воды-без-края до океанов Шарих и Исток. Сия была закрыта от внешнего влияния. Никто не мог покинуть ее границ, и ничто не могло сюда пробраться.

– Но «не мог» – не значит «не хотел», – заметил мужчина в черном.

– ...Изнутри мы не ведали о подобной возможности. Мы даже не знали о существовании других Вселенных, тогда как снаружи наш мир был лакомой добычей... – Сол горько вздохнул. – И разразилась первая Буря – ужасающей силы бедствие, что чуть не смело всю жизнь на планете. Единый континент распался на три части. Мир потерял равновесие и стал проницаем. В результате катастрофы исчезли многие хранители, и оттого наш дом сделался еще более уязвимым для зла извне. А оно не заставило себя долго ждать.

– ...Но это же дало вам возможность общаться с хранителями других Вселенных и открыло двери вашего мира странникам, – напомнил его друг. – Вторая Буря принесла твоему миру гораздо меньше ущерба... Более того, с каждым из миров в той или иной степени произошло то же самое. И многие из Старших считают это естественным процессом. Миры проходят те же стадии развития, что и каждое живое существо: рождаются, взрослеют, болеют, под воздействием сил извне постепенно деградируют и...

– Согласен, Сай! – резко перебил его Дэрей. – Но это не значит, что «существо» не должно бороться за жизнь. И для того в нем созданы определенные механизмы. Есть возможность усилить «иммунитет», очиститься от заразы и прожить более долгую и счастливую жизнь.

– ...Ты ведь не собираешься читать мне нотаций? – холодно уточнил странник.

– Нет, друг. – Жрец покачал головой и, поднявшись, пошел к окну. Девочка пела песенку и прыгала среди молодых дубков, словно рыжая белочка. – Твой выбор – это твой выбор, – проговорил Сол, не сводя глаз с дочери. – Он может быть мне непонятен, даже вызывать отторжение, но я не был на твоём месте, и потому *судить* не мне.

– Как она выросла. – Странник приблизился к другу, задумчиво наблюдая за рыжеволосой девочкой. – Кажется, только недавно я гостил у тебя, она была совсем крошкой.

– Да. – Дэрей Сол не сдержал улыбки. – Ей было четыре, и она называла тебя «грустный дядюшка»...

– А сколько ей сейчас? Десять?

– Двенадцать...

– Двенадцать, – тихо повторил странник.

Он нахмурился, непроизвольно коснувшись пальцами лба. Прядь волос частично скрывала левую сторону его лица и шрам, идущий от виска через скулу вниз – старый и едва различимый, но не ставший менее заметным по прошествии лет – след от ожога.

Сол вздохнул. Кем бы они ни являлись и какими бы путями ни шли, к смерти любимых невозможно было привыкнуть. И особенно тяжело это горе переносили те, кто по природе своей был обделен даром *забвения*.

В стародавние времена, когда Вселенные и их миры еще сохраняли целостность, близкие души не покидали границы семьи. Поэтому смерть *истинного* партнера была лишь переходом в новое тело. Но главное – в новое *имя*, ибо новые имена дают новые задачи и возможности. Подобное перерождение не могло разрушить идеальный союз.

Однако Буря лишила миры непроницаемости, и с тех самых пор смерть перестала быть просто переходом. Все чаще она означала непоправимую потерю и боль настолько сильную, что ее невозможно было описать ни на одном из языков, которые даровали Старшие.

Души возлюбленных терялись в бесконечности миров. И если некоторые из них еще можно было отыскать, то души детей, еще не успевших осознать себя, исчезали безвозвратно. Не в силах принять новую судьбу, единые духом пары воссоединялись все реже. Все чаще хранители заключали союзы с представителями младших рас, связь с которыми была не столь глубокой, а разлука по болезненности была хотя бы сравнима с простым человеческим горем.

От неравных браков дети рождались крайне редко. Очень немногие смертные женщины были способны взрастить семя хранителей. Так случилось и с Дэреем Солом. Однако в сво-

ем последнем воплощении он предпочел жену из рода людей не оттого, что боялся боли. Боль он пережил в прежнем рождении. Так случилось потому, что хранительниц, подобных ему, в мире попросту не осталось.

Странник же пережил потерю истинного партнера и наследника в своем последнем воплощении. И похоже, что память – проклятая память! – об этой боли до сих пор не отпускала его. С тех пор бывший хранитель предпочитал держаться в стороне от подобных себе. Даже с друзьями он не общался из чистой праздности. Лишь просьба о помощи могла привлечь его внимание.

– Вернемся к твоему рассказу, – напомнил мужчина в черном.

Жрец кивнул:

– Я говорю не о нас – не о странниках и не о хранителях. Есть более уязвимые сущности – духи природы. Они защитники тонких сфер Вселенной – остро воспринимают перемены и реагируют на них соответственно. Дабы поддержать баланс в мире, духи открыли свои тайны узкому кругу избранных – так называемым чующим. Они научили их черпать силу в природе, использовать слои мира в качестве дорог, видеть искажение и другим не менее интересным премудростям.

До сих пор духи лигнитлеи воспитывают защитников от всего *инородного*. Но людям и эльфам опасно общаться с ними напрямую. А потому духи нашли посредников между

тонким планом и планом материи в царстве животных.

Первыми проводниками стали белки. Но их ученики были вестниками, а не бойцами. Мир менялся, и требовались новые меры. Тогда на помощь пришли более сильные хищники – венаторы. Однако же их воспитанники – серые волки – отличались излишней агрессивностью. И на смену волкам пришли более хитрые, но не менее хищные лисы...

– Я кое-что слышал о сумеречных лисах, – сказал странник. – Любопытное явление. Они называют себя охотниками – сьидам, верно? Тогда как в глазах простого люда – наемные убийцы...

– ...Как и все мы, они делают то, что должны, – согласно кивнул жрец. – Лисы умеют чують болезнь и устраняют ее, пусть и не всегда бесплатно. Immunitas, как говорили древние: «освобождение, избавление от чего-либо». Если продолжать твою аналогию с живым существом, то они – частицы Си, участвующие в иммунном ответе. Одни из многих. Как и все мы, они тоже не застрахованы от искажения, нарушения иммунологической толерантности.

– И здесь на сцену выходят мстители, с которыми силой и секретами поделился уже ты, пастырь, – дополнил странник.

– Верно, выходят. Уже вышли. Но на этот раз мне необходима более весомая помощь. – Жрец пронизательно посмотрел на друга. – Возвращаясь к нашей пустоши...

Странник удивленно поднял брови.

– Ты хочешь, чтобы я помог мстителям?

– Напротив, – прошептал Сол. – Я хочу, чтобы ты помог одной из лис, ибо она... – Он помедлил, всматриваясь в непроницаемо-темные глаза собеседника. – Она одна из нас...

Странник опустил голову. Воцарилось тяжелое молчание.

Ветер за окнами усилился, и по стеклам забарабанили капли дождя. Дэрей Сол мысленно напомнил дочери, что ей уже давно пора идти ужинать. Девочка весело помахала ему рукой и убежала.

– Самка? – наконец вымолвил странник ледяным тоном. – Ты встретил одну из нас и решил позвать меня? Зная о моем отношении к нашим сестрам...

– Все сложнее, – поспешил объяснить Дэрей Сол. – Ей нужен наставник из своего рода. Но, как бы мне самому ни хотелось окружить ее любовью и заботой, я – не могу...

– Не надо, Сол, – прервал мужчину в черном. – Я прекрасно помню, как сильно вы с Лианой любили друг друга, но... – в его голосе промелькнуло раздражение, – похоже, что долгое воздержание лишило тебя трезвости мышления. Тебе стоит почаще снисходить до своих обожаемых смертных. В конце концов, в Самторисе лучшие бордели страны...

– Ах, ты в своем репертуаре, Черный, – добродушно рассмеялся жрец.

– Я вовсе не Черный, – отозвался его собеседник.

– А это смотря с кем сравнивать. – Дэрей Сол изогнул бровь. – В абсолютном смысле – не Черный, но в относитель-

НОМ. . .

– Что ж, как пожелаешь, Белый, – небрежно отмахнулся странник. – Но объясни мне, откуда в Сии взялась новая хранительница? Вас же по пальцам перечесть можно, и все друг друга знают. . .

– Когда-то нас было так много, что не все знали друг друга, – нехотя ответил жрец. – Не все были столь же общительны, как я, и далеко не все принимали человеческий облик, чтобы. . . – Он смутился. – На древних болотах недалеко от столицы до сих пор дремлет подобное чудище. . . И знаешь, порой семя хранителя дает всходы без ведома сеятеля. Чаше подобный союз родителей становится проклятием для их чада. Порой рождаются совершенно обычные дети, однако в их потомках внезапно может проявиться наш дар. . .

– Она может быть твоим потомком? – В голосе странника послышалась усмешка.

– Нет-нет, это бы я распознал по ее душевным вибрациям, – смутился его собеседник.

– Так почему же ты отказываешься от столь благоприятной возможности?

– Дело не только в моих чувствах к покойной жене, – терпеливо объяснил жрец. – Мне сложно объяснить это тебе, Сай. . . Наши культуры слишком разные.

– Ты говоришь так, словно я предлагаю тебе завести гарем. . .

– Тебе хорошо известно, – нравоучительным тоном про-

говорил жрец, – что любая связь так или иначе оставляет след силы в обоих партнерах. И обмен должен быть либо равноценным, либо иметь вескую причину. Должна быть... *любовь*. И потому я не могу делить ложе, – жрец вздохнул, – с наложницами или работницами борделя.

– ...Мы снова ушли от темы.

– Что касается сумеречной лисы, к ней у меня исключительно отцовские чувства, – с невозмутимым спокойствием в голосе проговорил Дэррей Сол. – Поверь, Сай, я помню, что гложет твою душу, и уважаю это. Я не обратился бы к тебе, не будь уверен в том, что не причину боли...

– Так в чем же дело?

– Дело в том, что эта девочка считает себя человеком...

– Что ж, мы те, кем себя считаем, – проговорил мужчина в черном. – Все мы считали себя кем-то из младших рас лет до тринадцати, когда начинала просыпаться наша память о прежних воплощениях и о знаниях мира. Так твоя лиса – детеныш?

– Ей восемнадцать или около того, – тихо ответил Сол.

– Ты называешь девочкой восемнадцатилетнюю женщину? – Странник, казалось, вот-вот рассмеется.

Его Святейшество смущенно покраснел и, откашлявшись, продолжил:

– Девочка... девушка... носит оковы человеческого тела, а ее сферы силы как будто дремлют – даже я не сразу распознал в ней нашу сестру. К тому времени, как это произо-

шло, было уже поздно. Сумеречная лиса убила около сотни человек: своих собратьев, других наемников и самторийцев. Сферы пробудились помимо ее воли, и это была страшная сила...

– Монастырь и окружающий его лес пожрало пламя, – припомнил странник. – Я не мог не обратить на это внимания...

– Скорее *доглодало*, – нахмурился Сол. – Наша сестра тоже пострадала. И когда я исцелял ее раны, мне почудились среди осколков ее души еще две, а может, и три сферы... личности. Как будто она... – Жрец вздохнул. – Впрочем, пустое. Этого не может быть... Она ребенок.

– Ты слишком взволнован, друг, и заплутал в собственных теориях, – заметил странник. – Скоро твоя сила сведет с ума не только приближенных жрецов, но и тебя самого.

– Сай, я не осуждаю твою привычку сторониться *наших* женщин и обмениваться силой со смертными, рискуя при том свести с ума *их!* – горячо проговорил Дэррей Сол. – Но я – не странник, и моя сила нужна моему миру... – Он умолк на мгновение. И мгновение это оказалось слишком тяжелым. – Прости, – тихо добавил жрец, – я не хотел ставить тебе в укор твои потери, я имел в виду совсем другое...

– Что ж, однако, ты прав, – согласился Черный. – Вернемся же к нашей теме: сотня человек, монастырь, ушедший под землю, выжженная пустошь – славный иммунный ответ. Могу я узнать, что же пробудило сферы силы нашей сестры?

– Точно я утверждать не берусь, – ответил Дэрэй Сол, – но, судя по некоторым знакам, это та сила... которую мы не называем. *Ее* призвали мои жрецы. А *наша сестра* смогла дать отпор. И этот отпор, доложу я тебе, был вовсе *не* им-мунным ответом. – Жрец задумался. – Проснувшаяся сфера силы, как бы это помягче... *anti bios* – мертвая вода.

– Прости, Сол, за то, что я вновь подвергаю твои слова сомнению, – покачал головой странник. – Мне трудно поверить в сказанное. Магия мертвой воды – тяжелая ноша для любого из нас, не говоря уже о той, что не сумела вспомнить себя... И потому я должен снова тебя спросить: ты уверен?

– Я уверен... – упрямо повторил жрец.

– Ты *видел* магию в действии?

– Нет... – Верховный опустил глаза. – Но я ощутил *последствие* на губах девочки...

– На губах девочки? – переспросил странник. – И, разумеется, это было исключительно отцовское прикосновение?

– Разумеется...

– Я все больше тебя не понимаю, – вздохнул Черный. – Допустим, это так... Но позволь же тогда узнать, о, сын Солнца, по какому принципу твой выбор остановился именно на мне?

– После второй Бури ты уже помог мне и хранителям Севера удержать равновесие...

– ...Но не я один, – холодно напомнил странник.

Верховный жрец пристально посмотрел в глаза друга.

– Понимаю твое удивление, сын Солнца. Учитывая силу девочки, куда логичнее было бы воззвать к твоему кровному брату. Несомненно, он преуспел в темных науках более всех известных наших собратьев. Он познал Бездну и сменил цвет своего Пламени. Он побывал на стороне Врага и смог вернуться обратно... Хм, *если* смог. – Сол недобро усмехнулся. – О, этот хитрый змей отказался бы меня даже слушать! Поначалу отказался бы. До того момента, когда бы я упомянул, что его помощь требуется *ей*. «Самка» – как ты и сам изволил ее назвать – большая редкость. Молодая, красивая, да еще и не помнит, кто она! Великолепно! То, что и нужно для древнего негодяя... – Он снова осекся, прикрыв рукой глаза. – Прости, Сай... Я не хотел так говорить о твоём брате...

Дэрей Сол редко сердился, и даже голос повышал лишь в крайних случаях, а потому сейчас и сам себе удивился. Но вопреки опасениям, его старый друг ни капли не обиделся. Напротив, праведный гнев Его Святейшества вызвал у странника тихий смех, а смеялся он не чаще, чем Дэрей Сол сердился.

– Я знаю, сын Солнца, что тебе не по душе сила мертвой воды, – поспешил объяснить жрец, – и все же ты начинал изучать ее вместе с братом. Ты не Белый и не Черный... относительно Вселенной. Однако тебе ведомы основы и того, и другого, а это все, что требуется девочке. Основа! Не нужно запретных учений о Бездне и Хаосе. Она ребенок... одино-

кий и растерянный. – Он вздохнул. – Она нуждается в старшем брате, но не в таком, как я, а... в подобном тебе.

– Интригующе... – вымолвил странник, отвернувшись к окну.

– Есть еще одна важная причина, по которой я воззвал именно к тебе, Сай. Мне показалось, что случай с ее памятью может быть интересен. Насколько я знаю, ты пытался выяснить, куда начали пропадать хранители. Может быть, они... забыли себя? Как и она...

– Забыли или попросту вымерли, – хмуро произнес странник. – Ты прав, я изучал это явление, но пришел к выводу, что даже у Старших детей Источника есть циклы жизни, как и свои болезни. Боги сменяли друг друга миллиарды лет... А мы... – Он обернулся. – Что ж, возможно, наше время заканчивается... Мы потеряли предназначенные нам единые духом и крыльями пары и нашли себе избранниц среди других рас. Все реже рождаются наши дети. Мы не перерождаемся и не получаем новых имен и задач. Это значит только одно: здесь и сейчас мы больше не нужны.

– Не будем спорить, Сай. – Жрец вернулся к графину с вином, обстановка того однозначно требовала. – Повторяю, ты сам сделал выбор. Ну а я останусь пастырем до конца, будь он завтра или никогда. Я сторонник теории обмена и не верю в то, что у Жизни вообще есть пределы! По крайней мере, пока существует Смерть, будет происходить обновление. И история эта будет продолжаться бесконечно!

– А сам факт существования того, кого мы не называем, тебе ни о чем не говорит? – напомнил его друг, принимая бокал, до краев наполненный рубиновой жидкостью.

– Другая, еще неизвестная нам форма жизни, вот и все. – Дэррей Сол сделал глоток и прикрыл глаза, наслаждаясь многогранным вкусом напитка.

– О, ты не сталкивался с ним лицом к лицу и просто не знаешь, о чем говоришь, – поморщился его друг. На этот раз вино ему показалось слишком приторным. – Ничто – это не жизнь и не смерть. Возможно, это Ничто и поглотило наших братьев и сестер...

– Но здесь и сейчас это Ничто отступило, – с воодушевлением произнес Сол.

– Не уверен, что в данном случае это было *то самое* Ничто, – с сомнением покачал головой странник. – Тебе, как хранителю, неведомо, но в нижних Вселенных, мирах и междумирьях полно всякой заразы и паразитов, готовых услужить верным последователям на выгодных условиях...

– Что ж, как страннику, тебе виднее, – согласился жрец, не желая продолжать спор.

Они замолчали. Дэррей Сол, стоя у окна, любовался своим городом. Лучи солнца, пробившиеся сквозь тучи у самого горизонта, окрасили теплым светом шпили храмов, купола дворцов, театров, библиотек, музеев и бесчисленные крыши жилищ, облепивших Прэзоступ, подобно пчелиным сотам. Его друг, напротив, смотрел на далекие северные горы.

– Скажи, – нарушил тяжелое молчание жрец, – ты возьмешь *ее* под опеку?

– А ты уверен, что *ей* это нужно? – задумчиво переспросил мужчина в черном.

– Знаешь, она недавно потеряла любимого, – тихо проговорил Дэрей Сол. – Мы с тобой знаем, *как* это больно. Она расстроена и напугана собственной силой... Но, в конце концов, неважно, в чем уверен я. – Он строго взглянул на друга. – Важно, *хочешь* ли ты помочь нашей маленькой сестренке?

– Не знаю, хочу ли я вообще чего-либо, – прошептал странник.

– В таком случае, если у тебя найдется немного времени, будь так добр, просто окажи мне услугу, – попросил Сол. – Проследи за тем, чтобы это прелестное дитя не натворило новых бед. И по возможности не убивай при этом слишком уж много жителей Сии... Это ведь не очень затруднит тебя?

– Не сердись, Белый, наши с тобой разногласия здесь ни при чем, – покачал головой мужчина в черном. – Я выполню твою просьбу. Ибо время – это единственное, что у меня осталось. И его даже в избытке...

– Благодарю тебя, Сай, – кивнул жрец. – ...Да и нет никаких разногласий.

– Воистину, есть только свобода воли и свобода выбора, – лукаво прищурился его друг.

– Именно.

– Так не сердись. – Он протянул пустой бокал. – Налей мне еще немного твоей «Медовой крови» и расскажи, какова же «на вкус» наша младшая сестренка? Да сообщи наконец, как ее зовут?

– У сумеречных лис множество прозвищ, – сказал жрец. – Но мне известно ее *настоящее* имя.

Откупоривая новую бутылку, Его Святейшество вдруг замер и обернулся к окну. В этот миг над городом пронесся мелодичный звон колоколов. И этим вечером звон был каким-то особенно громким и величественным.

* * *

– Дженна. – Аука оторвала взгляд от белых облаков. – Я бы очень хотела, чтобы ты осталась. Но, кажется, тебе и правда пора...

– Что ж, тогда до встречи, – ответила Дженна, не отрывая замороженного взгляда от прекрасных радужных глаз лигнитлеи. – Я искренне надеюсь, что ты ошибаешься и следующая наша встреча... в будущем или в прошлом... будет доброй. – Она вздохнула. – Спасибо тебе за все.

Наемница низко поклонилась духу, развернулась и быстро пошла прочь, смущенная, озадаченная и немало перепуганная. Что же Аука имела в виду под этим загадочным «вчера»? Что было так «больно» и «страшно»? Что случилось с ней самой? Что здесь произошло? И как, в конце концов,

лигнитлеи все это время общалась с ней без посредника?

Вот так запросто Дженна разговаривала, смеялась и даже дурачилась с духом-хранителем яблоневого сада. Невероятно! Наемница прекрасно знала, что подобное было просто невозможно: недопустимо для человека, эльфа или кого-то в этом роде.

Лигнитлеи использовали лис как проводников между своим и материальным мирами не просто так. С одной стороны, животные защищали покровителей от тех, кто мог физически навредить их дому; с другой – они передавали волю и знание духов, не отождествляясь с ними и таким образом сохраняя лисьи умы в целости. Речи лигнитлеи, воспринятые напрямую всяким существом, имеющим развитое эго, могли разрушить саму его личность, попросту свести с ума!

А Дженна, хотя маленько и одурела от безделья, но все еще находилась в своем уме. В своем уме, да не в своем теле. Возможно ли, что тело это оказалось крепким доспехом, способным защитить ее личность? Но отчего в таком случае учителя Аркха не общались с ней напрямую? Может быть, дело вовсе не в ней, а в Ауке? Что-то не так с этим садом и с этой лигнитлеи? И где же тот зверь, что должен был оберегать духа и ее владения?

Долго шла Дженна, путаясь в высокой траве и вдыхая бесцветные ароматы призрачных цветов. Вокруг нее вздымался яблоневый сад, а с синего неба светили одновременно и солнце и звезды.

Она шла и напевала себе под нос веселые и грустные мотивы. Она пела очень тихо, осторожно, словно боясь спугнуть вернувшийся к ней голос. И голос подводил ее, он не слушался и срывался. Но девушка продолжала петь. Она пела искренне, от всей души. Она пела, а вокруг нее собирались стайки прозрачных букашек. Они плыли за наемницей белым шлейфом, словно танцуя в такт мелодии.

Дженне нравилось рассматривать и изучать планктосов. Каждое насекомое не походило на другое. Все они были разными, прекрасными и странными.

Дженна шла все дальше. Одно озеро сменялось другим. Пейзаж вокруг оставался неизменен. А вкус яблок делался все более пресным.

У воды девушка останавливалась ненадолго, только по мере необходимости, чтобы напиться и умыться. Затем она снова пускалась в путь, бесконечный и однообразный.

В конце концов наемница так проголодалась, что все же решила порыбачить. Она соорудила себе весьма неплохую удочку из того, что нашлось в ее котомке. Но когда она приступила к делу, вместо рыбы из воды начали подниматься все те же планктосы, похожие на змеек, лягушек и еще непонятно что.

С отчаяньем девушка взывала и отбросила бесполезную удочку. В этот миг ее вою, словно эхо, вторил негромкий рев. От неожиданности Дженна так и подскочила на месте. Обернувшись, наемница оторопела, не в силах ни пошевелиться,

ни вскрикнуть от ужаса.

Позади нее стоял медведь. И медведь этот не выглядел прозрачным или бесплотным. Он был весьма материален! Да к тому же стоял на задних лапах и оттого нависал над девушкой, подобно грозовой туче.

Зверь подергивал маленькими круглыми ушками и, открыв пасть, хрипло сопел. При каждом его вздохе толстые бока вздрагивали, а солнце переливалось на рыжеватой с проседью шерсти.

Дженна судорожно сглотнула, силясь сбросить оцепенение. А медведь разинул пасть и вдруг проговорил очень низким, на удивление приятным голосом:

– Прощу прощения. Ни в коей мере не хотел вас напугать.

– Угу, – ответила девушка, присаживаясь на траву на внешне ослабевших ногах. – Прощаю вас... Это все моя трусость...

– Я только лишь хотел заметить, – продолжил медведь, – что в ближайших озерах рыбы нет – я самолично проверил каждое из них, – и ваша удочка тут не виновата.

– Прискорбно, – прошептала наемница, отчаянно пытаясь вернуть своему лицу бесстрастное выражение. – Меня зовут Дженна, – представилась она, краем глаза рассматривая собеседника.

Только теперь она заметила зеленые косы браслетов, украшавшие его лапы.

– Рыжуля. – Медведь галантно склонил мохнатую голову.

– Рыжуля, – непослушным голоском повторила Дженна. – Я не хочу вмешиваться не в свое дело, но разве вы не должны были принести синих яблок? Ауке без вас очень одиноко.

– Моя вина, – признался медведь. – Я увидел вас и... – Он умолк, а его глаза как-то странно блеснули. – И решил еще раз проверить озера на предмет рыбы. Я подумал, что если в саду появилось новое животное, то, может, и рыба вскоре вернется.

«Он хотел меня сожрать, – с болезненной ясностью вдруг осознала Дженна. – Он не шутил. Он бы съел и Ауку, не будь она духом! Никакая это была не шутка! Ну а я не дух, мною полакомиться можно. Поэтому-то он и ушел. Он решил не делать этого на глазах у Ауки...»

– Что ж, вполне понятно, – согласилась она, осторожно поднимаясь на ноги. – А не знаете ли вы, уважаемый Рыжуля, откуда я появилась в этом саду? Я, видите ли, была некоторым образом без сознания и ничегошеньки не помню...

– Как и рыба. – Медведь улыбнулся, демонстрируя клыки и резцы впечатляющих размеров. – Вы появились из озера. Появились – то есть всплыли из его глубин.

– Однако я не рыба, – на всякий случай уточнила Дженна. И, подумав, добавила: – По крайней мере, уже.

– Верно, – кивнул Рыжуля. Он окинул ее взглядом и пошевелил носом, принюхиваясь. – Уж слишком вы худосочны для рыбы.

– На одних яблоках не разжиреешь, – недовольно хмык-

нула наемница, как бы случайно коснувшись рукой кинжала.

Размер медвежьих когтей лишь немногим уступал ее оружию. Это были скорее ножи, а не когти. И, будучи девушкой привлекательной, Дженна по опыту знала: коли медведь – да и не только – умеет разговаривать, это еще не значит, что он способен держать под контролем звериные инстинкты. И если неожиданный гость решит попробовать ее на зуб, придется и самой Дженне припомнить, что медведь – это тоже не яблоки и у него есть плоть и кровь.

– Вы правы, – согласился Рыжуля, задумчиво почесывая шерсть на груди. – Хотя мы с вами из разных семейств и относительно всеядны, но все же остро нуждаемся в пище животного происхождения. В рыбе или...

– ...Что ж, было приятно познакомиться, Рыжуля, – заторопилась Дженна, надевая котомку на плечи, – но, пожалуй, мне пора.

– Жаль, что вы так скоро нас покидаете, – сверкнул плотоядной улыбкой Рыжуля.

– О, обещаю как-нибудь еще заглянуть к вам в гости, – ответила ему наемница не менее дружелюбным тоном.

Медведь сделал шаг вперед и то ли желал поклониться на прощание, то ли... Раздумывать над его манерами Дженна не собиралась. Невзирая на ужас, который наводила на нее зеркальная гладь озера, она попятилась и с шумом ухнула в воду.

3. Свободные королевства

*Коршун-коршунюк высоко летит,
Коршун-коршунюк далеко глядит:
Через три поля видит травушку,
Через три моря – реченьку,
Через три леса – девоньку.
Детская считалочка*

Высокий вибрирующий крик распугал птиц. Перебирая по воде черными лапами, лебеди оторвались от поверхности озера и взмыли в небо. Лучи солнца последний раз сверкнули на их белоснежном оперении. Дневное светило готовилось слиться с линией горизонта.

На закате недоступные взору обычных людей реки и ручьи витали, омывающие мир животворящими водами, были заметны особенно хорошо. Подобно золотым нитям, они пронизывали леса, поля, горы и всех живых существ от мала до велика. И именно в это время, на склоне дня, можно было отчетливо увидеть, в ком из тварей земных нити витали стали особенно хрупкими.

Выбрав самую слабую птицу, коршун спикировал. Хищник и его жертва столкнулись, переплелись. Кружась в смертельном танце, они рухнули вниз. Черные когти вонзились в тонкую шею, пух и перья взлетели в воздух, словно снежин-

ки. Лебедь ударился о камни, последний раз вскрикнул, изогнулся и затих.

Из всех летающих птиц лебеди были самой легкой и сытной добычей. Их сладкое нежное мясо надолго утолило его голод.

* * *

Чувства возвращались к ней не сразу – по очереди, одно вслед за другим.

Первым пришло осязание. Дженна ощупала себя и пространство вокруг. Под ладонями она ощутила холодный, местами покрытый льдом мох, шишки и прикосновения молодых елочек.

Затем рассеялась слепота, и девушка смогла оглядеться. Яблони пропали, а вместо них высились ели, перемежающиеся с древообразными скалистыми выступами. Словно замшелые колонны древнего храма, живые и каменные деревья поднимались вверх по склону горы, у подножия которой оказалась девушка.

Хотя сада больше не было, в воздухе то тут, то там мелькали огоньки призрачных планктосов. Озорным хороводом они танцевали вокруг Дженны, забирались в бутоны подснежников и прыгали вдоль тающих сугробов.

Снег, подснежники и каменные «деревья» – где же она?

Взглянув на гордый пик горы, сияющий над лесом осле-

питательной белизной, Дженна вспомнила поговорку сумеречных лис: «Ты будешь там, где нужна».

На короткое мгновение наемница усомнилась в том, что ей удалось выбраться в *прежний* мир. Но остатки сомнений быстро рассеялись, когда к Дженне вернулись слух и обоняние. Позади себя, ниже по склону горы, она услышала грубые мужские голоса и конское ржание. Оттуда же доносился резкий запах сыра, чеснока и забродившего меда.

Дженна обернулась, и ее глазам предстала странная картина. Вокруг опрокинутой набок повозки толпились лошадки. Сами же всадники – их было четверо, – вместо того чтобы вернуть повозку в нормальное положение, увлеченно исследовали ее содержимое.

Одеты мужчины были так, словно бы поделили на всех пару доспехов. Кто-то забрал себе кольчугу, кто-то – сапоги и кирасу, а кто-то – наручи и оплечья. Новенькие и заботливо начищенные металлические пластины поблескивали поверх изношенной и грязной рванины.

Судя по разговорам и манерам, это были вовсе не внезапно обедневшие «и», а самые обыкновенные разбойники, которым повезло встретить богатых господ, отягощенных добрыми латами.

Дженна тихонько, чтобы не привлекать внимания, поднялась на ноги. Однако это движение было замечено.

– Эй, братцы, гляньте-ка! Там, во фьялках, – указывая пальцем на девушку, проговорил одетый в кирасу бандит,

долговязый и патлатый. – Клянусь Матерьюми, токмо прозрачная была! Никак фея?

– Фея... – согласилась девушка, припомнив, что стараниями Ауки у нее на голове царит беспорядок из волос и трав, да и платье ее – совсем не по нынешней погоде. – Только это не фиалки... – добавила она, глянув на первоцветы.

– Ой, то-ошая, – жалостливо скривился другой разбойник.

– Конечно, рыло ты тупое, феи ж не мясом, а все росой да цветиками питаются, – объяснил третий, одетый в кольчугу и вооруженный саблей.

Изящное оружие в украшенных самоцветами ножнах не лучшим образом сочеталось с его рябой мордой. Но, судя по важному тону, среди товарищей он был самым главным, а значит, и достойным лучшего оружия.

– Не мясом, – удрученно вздохнула Дженна.

Она осторожно попятилась, одновременно внимательно прислушиваясь к голосам бандитов и изучая их оружие.

У «братцев» не имелось ни щитов, ни луков. Их небритые лица украшали красноречивые следы недавней потасовки. Мелодия витали разбойников была простой и бесхитростной. Аниомой – болезнью души – здесь и не пахло. Чем бы ни занимались эти милые люди и какие бы намерения они ни имели в отношении Дженны, с точки зрения сумеречных лис они были невинными душами. Убивать же невинных запрещал Закон...

Дженна вздрогнула, вспомнив Нороэш и сотни погубленных душ. Она больше не имела права на ошибку! Нужно было бежать! Благо местность пересекало множество сумеречных путей. Деревообразные камни создавали насыщенные тени, словно были специально здесь воздвигнуты для выхода на тропы. И все же что-то в них смущало Дженну.

Когда девушка, потихоньку пятясь, добралась до ближайшего столба и сделала шаг в сторону, чтобы сойти на лисью тропу, ничего не произошло. Как будто она снова стала Леи – неумехой, которая промахивается мимо входа без помощи учителя. Однако на этот раз дверь она прекрасно видела, но дверь эта словно вела в чужой дом. Она была заперта!

– Росой, говоришь, питаются? – сообразил наиболее практичный из всех «братцев». – Да из такой жонка недурная выйдет.

– Ой, не выйдет, – с сомнением покачала головой наемница.

– На кой те така жонка? – пошутил косматый верзила. – Кости грызть? На ней же и вша не прокормится!

– Кости не кости – все баба, – вставил другой, засучив рукава. – Сойдет.

– Ну знаете, – возмутилась Дженна, медленно опуская на землю свою котомку.

Закон запрещал ей убивать. Но и бежать, бросив вещи, сумеречная лиса не могла...

– Баба, – заржали «и».

– Фея фьялок!

– Соjde-ет нам и фея!

– Окружай, а!

С криками и паскудными шуточками разбойники двинулись на девушку. Дженна сделала вид, будто оторопела от страха, позволив им подобраться к себе чуть ближе. Частенько ей приходилось полагаться на этот приемчик. Для того она прятала меч, оборачивая его в ткань, а юбки выбирала длинные и широкие. Вот и на этот раз вид безоружной «бабы» с травой в волосах сбил негодяев с толку.

Первый из напавших, не мудрствуя лукаво, попытался взять девушку голыми руками. Оскалившись в шерботой улыбке, он склонился над ней и тут же истошно взвыл. Дженна двинула бандита по носу основанием ладони. Когда тот схватился за нос, она ударила плотно сжатыми пальцами в болевую точку на его открывшейся подмышке.

Ряды металлических пластин на плечах разбойника жалобно брякнули. С выражением муки и еще более страшной обиды на лице он отскочил в сторону и, прижимая к себе руку, неожиданно высоким голосом принялся звать на помощь каких-то матерей.

Появившегося из-за его спины второго разбойника Дженна обманула ложным замахом, а затем угостила ударом в кадык.

Корпус третьего бандита защищала кольчужная рубаха, зато его ноги прикрывали только тряпичные штаны. Дженна

ударил его по колену сбоку. Мужик взвыл и упал. Одновременно с тем наемница выхватила из ножен и его саблю.

Четвертый разбойник – тот, что был в пластинчатой кирасе, – успел сообразить, что их «фея» не так уж и проста. Устрашающе гаркнув и выпучив глаза, он бросился на нее с мечом наголо. Но изящная сабля пришлась наемнице по руке и по вкусу. Девушка легко отвела в сторону неумелую атаку. Пригнувшись, она ушла от дубины первого бандита, подставив под удар его же товарища.

Мужики столкнулись друг с другом и принялись браниться на чем свет стоит. Воспользовавшись их временным замешательством, Дженна вновь попыталась спрятаться на сумеречной тропе. Но тени никак не желали открываться ей! Тогда девушка бросилась к лошадям, решив, что верхом она сможет уйти. Но тут из-за пригорка с той стороны появилось еще пятеро парней, одетых в духе бандитской моды: кто во что горазд.

Разбойники владели оружием, что крестьяне – граблями, а дрались, точно гуси, крича и налетая безо всякой системы, чем чаще мешали друг другу. Однако их было слишком много, и бой затягивался. Наемница, не имея возможности убивать, только отбивалась, но силы ее были не безграничны. Девушку неуклонно теснили к перевернутой повозке.

Внезапно она ощутила у себя под ногами нечто необычное, не свойственное лесу. Мельком глянув вниз, Дженна с ужасом обнаружила, что это были книги. Старинные ману-

скрипты, иллюминированные рукописи с красочными миниатюрами, кожаные переплеты с тиснением – пергамент и бумага, частично порванные и немилостиво истоптанные, были раскиданы среди чахлых сугробов и кустиков черничники.

Разбойники не посчитали книги достойной добычей и попросту кинули их в снег!

Зрелище ошеломило наемницу. Жгучая ярость вспыхнула у нее в груди! Шипя, словно дикая лисица, Дженна бросилась вперед. Кого-то из «братцев» она резанула саблей по горлу. Другому вогнала лезвие глубоко под ребра. Более она не заботилась о том, станут ли нанесенные ею раны смертельными...

«Наемник не имеет права уничтожать здоровые творения Единобожия! – в отчаянье кричало сознание девушки. – Ты не имеешь права судить... Не тебе решать, кто умрет, а кто будет жить... Не тебе. Но... как же можно иначе?!»

Мышцы Дженны сводило от напряжения, в висках шумела кровь. Усталость взяла свое. В какой-то момент наемница пропустила удар. Тяжелая дубина сбила ее с ног.

Охнув, девушка рухнула назад: на обледенелые мхи, на жесткие шишки и книги. А разбойники ударами сапог выбили оружие из ее рук. Они навалились со всех сторон так плотно, что от их смрада у Дженны сперло дыхание. Слезы покатались по ее щекам.

– Позвольте, – вдруг раздался у них над головами несме-

лый голос. – Это же дама, а не обещанный нам дракон! Даму нужно спасать, а не...

– Ща мы те покажем, ка-ак надо спасать «даму», – вдохновенно пообещал кто-то из разбойников, аргументировав эту мысль крепким словечком.

– Вы же витязи... – последнее, что разобрала среди брани Дженна.

Чужие руки прижимали ее к земле, тянули за волосы. Они елозили по ее лицу, по груди, по животу и по бедрам. Девушка плакала, рычала и извивалась, до последнего не желая сдаваться.

Но бороться было бесполезно. С опустошающей безысходностью наемница поняла, что ее тело снова не подвластно ей. Да только на этот раз виной всему была не таинственная немощь и не неведомый враг, но чужое *желание*.

Желание это сгущалось. Оно становилось почти осязаемым. Его мелодия оглушала голосами, душила запахами, вибрировала в каждом прикосновении. Это была *сила жизни*, но сила грубая, тяжелая, подавляющая.

Та самая витали, что наполняла мир жизнью и чистоту которой Дженна защищала, став сумеречной лисой, теперь проявила себя в ином качестве. Она кипела и бурлила в крови разбойников, пробуждая их инстинкты. Она неумолимо рвалась наружу и требовала свое, положенное ей по всем *законам природы*.

Витали обернулась той стороной, которую наемница так

отчаянно боялась и избегала. Теперь бежать было некуда. Выход на тропу был закрыт, и даже добрая сабля не помогла одержать победу.

От грубых прикосновений и тяжелых запахов Дженне отчаянно захотелось провалиться *вниз*, сквозь мерзлую землю. *Туда*, где царили тьма и спокойствие. Туда, где рассеивался всякий *жар жизни*...

Брань, смех, запахи – она пожелала, чтобы все это исчезло!

Наемница зажмурилась. И внезапно наступила тишина. Дженне показалось, что она медленно проваливается вниз. Словно услышав ее безмолвный крик, сама сырая земля расступилась, раскрывая свои объятия.

Прекрасная музыка струилась из темно-изумрудных глубин. Там, внизу, мелодия жизни брала начало и, пройдя положенный ей путь, сливалась с *иными* водами, постепенно замедляясь и *остывая* в них. Дженна видела, как течения, теплое и холодное, то свиваются в единый поток, то расходятся в стороны, будто танцуя...

Чем глубже падала девушка, тем громче становилась музыка. И тем ярче во тьме мерцала незнакомая ей льдисто-синяя река. Русло распадалось на ручьи, образуя сеть паутины. Тонкие нити оплетали корни трав, мхов, кустарников и деревьев. Они тянулись вверх, раскрывались на поверхности, подобно призрачным цветам, и взмывали в воздух огоньками планктосов.

«Призраки, воспоминания, сны, – вспомнила Дженна и поняла: – *Мертвая вода* – их стихия...»

Таинственная река излучала прохладу и манила к себе. Словно чистый источник в разгар знойного дня, река обещала покой, отдохновение. Дженна протянула к ней руки и вскрикнула.

Мертвенный холод обжег ей пальцы. А река всколыхнулась и забурлила. Ее мелодия вдруг превратилась в жуткий, леденящий сердце гул...

В тот же миг откуда-то издалека Дженна услышала стоны, ругань и испуганное ржание лошадей. Наемница распахнула глаза и едва сумела увернуться от направленного в ее сторону кулака. Она откатилась вбок, но низкорослый бандит ухватил ее за щиколотку и притянул обратно. Девушка успела заметить, что державшие ее за руки разбойники лежат без движения и на ногах остались лишь двое.

– Бесіха! – рявкнул низкорослый, снова занося руку для удара. – Сука бесовская! Тварь!

«Как же так? – с грустью подумала Дженна. – Это же *они* напали на меня – на одну, целой кучей. Но тварь – я...»

Забытая было обида вновь всколыхнулась в ее сердце. Над Василисой издевались сверстники, потому что она отличалась от них. Леи отверг учитель, когда открылись ее опасные способности. И уж не из-за этой ли треклятой силы сама судьба отказала Джиа в праве быть любимой и любить? Теперь же какие-то бандиты, мерзкие насильники обвиняют

Дженну в том, что она чудище, бесиха...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.